

Старик Мэн задумался, собираясь уже открыть рот, как вдруг его перебила старуха Цюй, которая немного пришла в себя:

— Тьфу! Вы утверждаете, что не заставляли Цюй Сыню работать даром, но почему же тогда до его свадьбы в доме семьи Мэн он так долго трудился, а в руках не осталось ни копейки?

— И ещё, за последние несколько месяцев денег было так мало. Кто, если не вы, забрал их? Я знаю, наверняка это эта мелкая плутовка Мэн спрятала деньги!

— Мы ещё не разделили семью, а она уже затеяла эти мелкие интриги. Неужели она уже давно надеется, что мы с мужем поскорее умрём? Злая стерва! Я тогда ослепла, позволив сыну жениться на ней!

— Ваше превосходительство, мне, старухе, не повезло, попался такой сын и невестка. В те времена семья была так бедна, что еды не хватало, а я снова была беременна. Мы с мужем не смогли продать ребенка и с болью отдали его в большой дом семьи Мэн...

— Тьфу! — Старуха Цюй только что плюнула, но старуха Мэн плюнула ещё громче, опускаясь на колени. — Даже зверь не ест своих детенышей. Старуха Цюй, ты сама знаешь, почему так поступила. Не боишься, что предки ночью тебя настигнут?

Старуха Мэн спрятала дрожащие руки в рукавах. Она была смертельно напугана, но не могла позволить старухе Цюй свалить вину на её дочь и зятя. Она должна была подавить эту злую старуху!

— Даже если в те времена, когда вы отдали Сыню, ваша семья была бедна, что потом? После рождения пятого дядюшки Цюй ваша семья начала покупать землю и строить новый дом. Разве это похоже на бедность? У нас, семьи Мэн, земли меньше, чем у вас!

— Ваше превосходительство, эта старуха Цюй не говорит ни слова правды. Она лжет в каждом слове. Если вы отправите людей в деревню Цюйцзя и большой дом семьи Мэн, любой расскажет вам правду.

Старуха Мэн и старуха Цюй кричали всё громче, превращая зал суда в шумный рынок. Уездный начальник даже почувствовал желание потереть уши.

— Тише! Тише!

После паузы уездный начальник кивнул секретарю, отвечавшему за запись.

Секретарь положил кисть и приказал двум служащим отправиться в обе деревни для опроса, а затем вышел из зала суда.

Увидев, что старуха Цюй собирается возразить, уездный начальник стукнул молотком, заставив её неохотно замолчать.

Через некоторое время секретарь вернулся в зал суда и передал уездному начальнику два толстых тома. Глаза старухи Цюй забегали. Она узнала эти книги — это были регистрационные записи.

Старуха Цюй почувствовала панику. Она помнила, как младший сын говорил, что в регистрационных записях много информации. Она не знала, что уездный начальник сможет узнать.

С ненавистью посмотрев на старуху Мэн, которая разрушила все её планы, она подумала, что если бы не эта злая старуха, сегодня она бы точно содрала кожу с Цюй Сыню и госпожи Мэн!

Просматривая первую книгу с регистрационными записями деревни Цюйцзя, уездный начальник зачитал вслух:

— Семья Цюй владеет десятью му поливных полей и пятью му сухих земель, все приобретены в течение последних двадцати пяти лет.

— Согласно записям, дом был перестроен двадцать восемь лет назад, увеличившись с полуму до одного му. Четырнадцать лет назад его снова перестроили, увеличив до полутора му, и с тех пор он не менялся.

В деревнях земля под строительство домов не считалась пахотной и была дешевой, поэтому многие старались расширить задние дворы, часто просто огораживая их камнями и глиной.

Если земля была огорожена, она считалась частью дома. Эту землю можно было использовать для выращивания овощей, не платя налогов, а также для разведения кур, уток и свиней, добавляя мяса в рацион семьи.

Чем больше уездный начальник читал, тем сильнее хмурился:

— Пятый сын семьи Цюй, Цюй Чжицай, пятнадцать лет назад сдал уездный экзамен и получил звание студента-кандидата. Его старший сын, Цюй Яовэнь, в этом году также сдал уездный экзамен и получил звание студента-кандидата.

Семья Цюй могла позволить себе содержать учеников?

Обучение было непростым делом, особенно для детей из крестьянских семей. Даже если ребенок был талантлив, чтобы сдать уездный экзамен, нужно было сначала закончить начальную школу, затем несколько лет изучать классические тексты. На это уходило минимум пять-шесть лет.

То есть двадцать лет назад семья Цюй уже могла позволить себе содержать учеников. Более того, у них было так много земли и новый дом.

Судя по времени, ситуация в семье Цюй действительно была такой, как говорили в семье Мэн. Они не были настолько бедны, чтобы не могли забрать Цюй Сыню обратно в семью, но они этого не сделали.

Обнаружив, что события развиваются не так, как она планировала, старуха Цюй опустила на колени и начала тереть глаза:

— Обижают меня! Вся семья Мэн ополчилась на одну старуху. Небеса, взгляните на это!

В некоторых случаях слезы и крики могут помочь, ведь люди склонны сочувствовать слабым.

Но в зале суда уездный начальник не собирался смягчаться из-за слез старухи Цюй. Если бы он так поступал, то разбирательство превратилось бы в соревнование, кто громче плачет.

Цюй Сыню с самого начала молчал в зале суда, но теперь он вдруг выпрямился, стоя на коленях, и, глядя на старуху Цюй, тихо произнес:

— Мать, неужели вам нужно, чтобы я жил плохо, чтобы вы были довольны?

Резкий крик старухи Цюй и тихий голос Цюй Сыню были совершенно разными, поэтому его слова услышали многие. Все взгляды устремились на него, видя его лицо, полное боли и оцепенения, люди начали шептаться.

Взгляд Цюй Сыню заставил старуху Цюй вздрогнуть. Она вытерла слезы и сопли, стараясь выглядеть уверенно:

— Цюй Сыню, если бы ты и госпожа Мэн уважали старших, разве я бы подала на вас в суд?

Цюй Сыню горько усмехнулся, его глаза покраснели, взгляд стал сложным:

— Мать, почему мы с Хуэйнян последние три месяца живем в доме её родителей?

Старуха Цюй на мгновение заколебалась, открыла рот, но ничего не сказала, хотя смотрела на Цюй Сыню с вызовом, как будто была уверена, что он не скажет причину.

Цюй Сыню продолжил:

— Плотницкое ремесло может приносить доход, но только если есть работа. В феврале и марте работы мало, и я каждый год объяснял это вам и отцу. Вы знаете это.

— И ещё, мы с Хуэйнян не можем жить в доме семьи Мэн бесплатно. Мы должны платить за еду, и каждый оставшийся медяк я отдавал вам и отцу.

— Раньше, когда мы жили дома, я каждый месяц отдавал деньги вовремя. И что я получил взамен? Я терпел это, но что ещё вам нужно? Вы хотите, чтобы я сделал это достоянием обществу, чтобы вы были довольны?

Цюй Сыню задал несколько вопросов, которые оставили уездного начальника и зрителей в замешательстве.

Те, кто знал правду, как старуха Мэн, неодобрительно смотрели на Цюй Сыню, недоумевая, зачем он поднял этот вопрос в зале суда.

Секретарь нахмурился и вместо уездного начальника сказал:

— В зале суда не следует говорить полуправду. Если есть жалоба, изложите всё, и господин судья вынесет справедливое решение!

Госпожа Мэн инстинктивно оглянулась на своего сына и зятя. Цюй Сыню до сих пор не отпустил эту ситуацию, хотя обычно молчал. Теперь, когда он взорвался в зале суда, она не знала, как отреагируют И и Каншэн.

Если бы это были Лян Каншэн и Цюй И из прошлой жизни, они бы, вероятно, почувствовали себя некомфортно. Лян Каншэн мог бы подумать, что семья Цюй против него, а Цюй И мог бы вспомнить свои старые обиды.

Но сейчас они оба не обращали на это внимания. Лян Каншэн сжал пальцы Цюй И и шепнул:

— Я разберусь.

Затем он подошел к Цюй Сыню, поднял подол халата и опустился на колени.

Лян Каншэн сложил руки и громко сказал:

— Ваше превосходительство, это дело на самом деле касается меня.

Как ученик, еще не получивший звание дипломированного ученого, Лян Каншэн не мог не встать на колени перед уездным начальником, но мог называть себя учеником.

Увидев ученический наряд и манеры Лян Каншэна, уездный начальник слегка расслабил брови. Ученые, по крайней мере, понимали разум, и, вероятно, не стали бы ругаться на публике, как деревенские женщины:

— Говори.

Увидев, что Лян Каншэн заговорил, старуха Цюй удивилась, не ожидая, что он сам начнет говорить об этом.

На самом деле старуха Цюй думала, что Лян Каншэн сегодня не придет в суд, ведь Цюй Сыню и госпожа Мэн были его тестем и тещей. Попав в такой позорный скандал, он, вероятно, не хотел бы быть замешанным в этом.

Но он пришел с Цюй И, этим маленьким негодяем, и сам начал говорить. Вспоминая слова сына и дочери, она забилась в сердце.

<http://bllate.org/book/16698/1533513>